

**Ольга
Липницкая**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л61

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн переплета *Е. Петрова*

В оформлении форзаца использована иллюстрация:

© Alaska Artworks / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Липницкая, Ольга.

Л61 Странные дела в Верхних Долах / Ольга Липницкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-239201-6

Майор Андрей Никитич Соколовский мечтал об идеальном отпуске: тишина, родная деревня Верхние Дола и долгожданная рыбалка. Но вместо умиротворения судьба подкидывает ему «сюрприз» из прошлого, буквально сбивающий его с ног.

Марийка Синицына, его первая любовь, с которой их разлучила чужая ложь восемнадцать лет назад, теперь живет по соседству и слывет местной ведьмой. Однако даже «магия» бессильна перед тем, что творится в ее доме: посуда летает по воздуху, на кухне творится непонятно что, а в зеркалах отражаются призраки.

Никитич, привыкший иметь дело с реальными преступниками, а не с нечистой силой, берется за расследование. Ему предстоит выяснить, кто превращает жизнь Марийки в ад. Но самое сложное испытание не поймать злодея, а растопить сердце той, которую он так и не смог забыть.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Липницкая О., 2026
ISBN 978-5-04-239201-6 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

«Майор Никитич любил рыбалку!»

Нет. Не так.

«Майор Никитич **ОЧЕНЬ** любил рыбалку!»

Вот теперь похоже на правду. С заглавными буквами, с восклицательным знаком, с тем самым нажимом. Если бы он... ну то есть Никитич, писал о себе мемуары, то начал бы их именно так. А потом уже где-нибудь в третьей главе мелким шрифтом упомянул бы все остальное.

Ни доблестная служба в горячих точках, где пахнет гарью, пылью и соляжкой, ни почти десять лет работы следователем в столичном УВД с прокуренным коридором и вечно хлопающими дверями, ни тем более работа начальником службы безопасности

в крупной коммерческой фирме с ее стеклянными перегородками и бесконечным звоном телефонов не были для Соколовского Андрея Никитича столь важны, как рыбалка.

Вот когда все достало, все замучило, когда не знаешь, куда деться от людей, пыли, шума, раскаленного асфальта, пробок, дорог и бесконечных: «Нужно срочно, Андрей Никитич!»

Тогда берешь удочку и...

— К-кхе... — тихо и почти нежно раздалось откуда-то снизу.

Майор Никитич сразу напрягся, будто услышал выстрел, и опустил взгляд.

Дремавший на его руках младенец заплямкал пухлыми губами, задумчиво потужил крошечный животик, весь чуть-чуть подался вперед, сморщился, как старый дед, явно что-то выдал в подгузник и...

Продолжил спать!

Здоровенный, бородатый мужик улыбнулся так нежно, как может улыбнуться только отец, уже и не надеявшийся стать родителем. Умиление осторожное, трепет-

СТРАННЫЕ ДЕЛА В ВЕРХНИХ ДОЛАХ

ное, почти робкое — словно он боялся, что от слишком резкого движения это маленькое чудо исчезнет, как сон под утро.

Аккуратно, указательным пальцем правой руки, — сын, точнее, один из сыновей Никитича, пока еще легко помещался вдоль предплечья его левой, — майор Соколовский утер прозрачную слюнку на мягкой розовой щечке младенца. На секунду замер, полюбовался: ресницы веером, нос пуговкой, кулачок судорожно цепляется за его футболку. В груди что-то странно, непривычно заныло — сладко и больно разом.

Потом Никитич снова посмотрел в окно: темный ночью луг серел и постепенно приобретал краски. Пока нежные: зеленоватые, чуть желтые. Неспешно просыпалась тихая деревенская речушка: сочилась между темными берегами, чуть шуршала у камышей, лениво подрагивала в предрассветной дымке. На воде уже проступали первые бледные блики, небо робко светлело, и все это казалось таким мирным, что в это трудно было поверить человеку, повидавшему совсем другие рассветы.

Да-а. Сына он любил совершенно точно больше рыбалки...

Но рыбалку – все равно сильно.

А сейчас щука хорошо идет! На живца! Плотвичку на мотыля поймашь – серебристую, скользкую, шуструю, – на крючок насадишь ее, аккуратненько, чтоб играла, и в камыши! Сиди, жди, когда хищница желтоглазая из засады вылетит, рванет леску в сторону – ух!

Умиленный кряхтением сына, увлеченный мечтами о тяжелой толстой щуке, Никитич качнулся с носка на пятку и так душевно вздохнул, что...

– Да замучил ты уже со своей рыбалкой! – услышал он ворчливое позади.

Резко обернулся.

Ну как «резко».

По-майорски осторожно, по-отцовски медленно. Сын не дернулся, только чуть шмыгнул носом во сне, уткнувшись щекой в его грудь, а у Никитича от этого шмыганья сердце аж раз перевернулось и почему-то стало еще мягче.

Марийка. Жена его, свет в оконце, любовь и радость, деревенская ведьмочка, сер-

СТРАННЫЕ ДЕЛА В ВЕРХНИХ ДОЛАХ

дечная напасть и отрада в одном теле... Шикарном, надо отметить, теле.

— Ты чего? — удивленно спросил любимую Никитич, чуть дернув плечом. — Я просто тут сына качаю.

— Сынка качаешь, а сам с реки глаз не сводишь! — фыркнула знахарка, встряхнув смоляной копной волос.

От нее слегка пахнуло травами, печеным хлебом и чем-то еще — своим, теплым, домашним.

У ее роскошного необъятного бюста, туго стянутого домашним сарафаном, спал еще один младенец — распластав ладошку у нее на груди, сопел тихо, размеренно.

И еще один не спал. Тот как раз возмущенно шевелил ножками, путаясь в завязках, кривил рот и требовал, чтобы его все время качали.

Сыновей у Соколовских родилось трое! Разом! И все на одно лицо. Слава богу, хоть характером разные.

— Да ты придумываешь! — нахмурился майор, подозрительно щурясь. — Ну подумал, что щука сейчас идет, ну делов-то... Я ж никуда не ломлюсь!

— Шука идет, и ты иди! — дернула подбородком его жена, глядя испытующе из-под темных ресниц.

— В смысле? — действительно не понял свою строптивую супругу Никитич.

Он умел читать между строк, по губам, по жестам, но логику этой женщины иногда постигал с трудом.

— На рыбалку на свою иди, Христа ради! — поджала губы она, но в глазах уже плясали смешинки. — Пока пацаны маленькие, я вполне с ними сама управлюсь! Уж одно утро точно! Так что давай, сматывай удочки... Точнее, разматывай!

Жена попыталась выразительно взмахнуть рукой, как привыкла — широко, царственно, но вовремя вспомнила, что на руке лежит сын! Спящий младенец тревожно крикнул, Марийка тут же боязливо замерла, даже дышать стала тише.

— Да вот правда, — с искренним упреком посмотрел на жену Никитич, плотнее прижимая к себе свое дите. — Так я тебя и бросил.

— В смысле «бросил»? — красиво изогнула бровь невероятно роскошная женщина: гла-

СТРАННЫЕ ДЕЛА В ВЕРХНИХ ДОЛАХ

за сверкнули так, что любому оперативнику хватило бы этого взгляда для чистосердечного признания. — Я тебе брошу! — фыркнула она, но без настоящей злости, больше для порядка. — Но ты на мне женился не для того, чтобы по утрам с тоской на реку смотреть! — обиженно поджала сочные губы, потом выдохнула. — К тому же... — тут взгляд ее потеплел, смягчился, голос стал тише. — Где бы я сейчас была, если б не твоя рыбалка!

И Марийка Соколовская, в девичестве Синицына, кокетливо улыбнулась мужу, чуть склонив голову набок. От этой улыбки у майора в груди что-то приятно щелкнуло, как надежный затвор в знакомых руках.

— Какая же ты у меня... — пробасил майор, порывисто шагнул к жене, осторожно обнимая ее свободной рукой, чтоб не пережать ни одного сына. — Ведьма моя черноглазая...

Эх! А она же даже женой бы его не была, если бы не рыбалка!

Даже и не встретились бы! Второй раз...

А дело было так...

ГЛАВА 1

Утро в деревне невероятно мягкое.

Сладкий весенний воздух, пронизанный тонкими нитями солнечных лучей, тягуче обволакивает, радуя, успокаивая, услаждая и...

«Ку-ка-ре-ку!»

Раздалось где-то совсем рядом, и Марийка моментально открыла глаза!

Сон будто рукой сняло.

«Ку-ка-ре-ку!»

— Ага! Сейчас будем крики петуха считать, как у Гоголя, — подумала вслух роскошная брюнетка и повернулась на другой бок.

Но ничего не вышло! Пернатый орал нагло, надрывно, даже будто бы ехидно:

«Ку-ка-ре-ку!»

СТРАННЫЕ ДЕЛА В ВЕРХНИХ ДОЛАХ

Марийка Синицына тяжело вздохнула. Сначала откинула одеяло, собираясь встать, потом, словно передумав, наоборот, натянула его на голову.

— Вот же ж зараза! — раздосадованно фыркнула она. — Сенькин или Ленькин?

Она чуть вытянула шею, прислушалась.

«Ку-ка-ре-ку!»

Словно по заказу, снова завел свою дрель... тьфу, трель петух.

«Ле-е-енькин! Горлопан! Весь в хозяина! Может, ему тоже что-нибудь подсыпать?» — Марийка всерьез задумалась.

Ленька Барышников за разными снабдьями приходил часто. С женой у него были нелады, так он и заказывал у деревенской знахарки чего-нибудь, чтоб жене ночи больше нравились.

Но недуга своего стеснялся чуть не до смерти, а потому выдумывал для всех деревенских то зуб больной, то несварение, то «нервы».

В общем, по деревне уж слухи поползли, что не просто так Ленька вечно у Марийки, а баба его дома злая.

«Ку-ка-ре-ку-у-у-у!»

Снова заорал на полсела пернатый, укрепляя Марийку в своем решении.

— Точно! — она плотоядно улыбнулась. — Подсыплю! Снотворного, в смысле! А что? Хозяину — бодрящего, петуху — успокоительного. Неплохая мысль!

Ухмыляясь своей выдумке, деревенская дама все же откинула одеяло, спустила ноги с кровати, посидела чуть-чуть в еще темной комнате, привыкая к утру.

На дворе стояла еще не поздняя, но уже и не ранняя весна. Снег сошел, даже местами трава позеленела, днем солнышко всю старалось, прогревало землю. Во двор уже можно было выскочить и просто в кофте, но вот по утрам еще было зябко. На часах было почти пять, но небо едва серело, а рассвет еще и не думал заниматься. Только над лесом слегка зарозовела полоса.

Хозяйства у Марийки не было. Кормить, доить, на выгон отправлять никого не надо было. Но и валяться в кровати до полудня было ей несвойственно. Медленно ступая по прохладному полу, она нащупала тапки, потянулась за красивым ярким халатом.

СТРАННЫЕ ДЕЛА В ВЕРХНИХ ДОЛАХ

Дел она себе запланировала много: сегодня деревенская знахарка собиралась пройти по полю посмотреть первоцветы. Хорошая ведунья знает, что трава еще не в своей силе. Сбор в июле-августе идет. Но для ее, Марийкиной, деятельности и первоцветы подходили.

Потом она хотела съездить в город: был у нее обширный список покупок — и в аптеке, и на рынке, да и работы запланировала она немало.

Знахарка вышла в кухню, вздохнула полной грудью и замерла, глядя в окно.

Домик у нее был старенький, уже покосившийся, еще бабушкин. Помнил он много лиц, много разговоров. Давно уставший, неприглядный домик. Но вот в маленькой кухне было окно. Непрактичное, по деревенским меркам, — чуть не на полстены.

Марийка помнила, как дед ворчал, что надо его заложить: а то шкаф не повесить, да и холодно зимой.

Но бабушка это окно упрямо отвоевывала. И сейчас Марийка прекрасно понимала почему.

Вид из него открывался невообразимый! Крайний дом на деревне именно этой стороной выходил на реку. Если свет не включать, можно долго стоять у темного окна и смотреть, как сначала медленно сереет, а потом робко розовеет небо, как украшается тонкими яркими всполохами на рассвете дальний горизонт, как лениво рассеивается белесая дымка над водой, открывая гладь реки. Сначала она кажется свинцовой, тяжелой, а потом по ней пробегают робкие золотые дорожки, и в них дрожащими пятнами отражаются черные, еще сонные силуэты верб. Где-то в стороне хмыкает просыпающаяся корова, лениво тьякнет собака — и все это будто бы только подчеркивает вязкую, спокойную тишину рассвета. Стоишь не дыша и чувствуешь, как дом просыпается вместе с рекой, как темные стены понемногу наполняются мягким розовым светом, и кажется, что, если шевельнуться, кашлянуть или щелкнуть выключателем, это хрупкое утреннее волшебство рассыплется, как тонкий лед у самого берега.

Улыбнувшись своим мыслям, Марийка шагнула вперед. И, по-прежнему не вклю-

СТРАННЫЕ ДЕЛА В ВЕРХНИХ ДОЛАХ

чая свет и глядя в окно, потянулась к крану, чтобы набрать себе стакан воды.

Кухню свою Марийка знала на ощупь всю: хоть среди ночи с закрытыми глазами могла найти любую ложку, любую поварешку, но тут ее рука наткнулась на что-то неожиданное, чавкающее, мягкое, скользкое!

Ведьмочка оторопела, скривилась, дернулась...

— А-а-а-а-а-а!!! — крик огласил весь пустой дом и, скорее всего, двор.

Тоже, к сожалению, пустой.

Марийка от раковины не отшатнулась — отпрыгнула, как от раскаленной печки! Бокком больно врезалась в угол стола, мизинцем зацепила ножку стула, тот жалобно скрипнул и повалился, а она, цепляясь пальцами за воздух, попятилась к стене, туда, где должны были быть так несправедливо проигнорированные ею выключатели.

Рука судорожно зашарила по шершавой, холодной стене, нашла заветную кнопку, пальцы вжались до побелевших костяшек.

Щелк! Щелк!

Ничего. Совершенно ничего. Ни вспышки, ни жалкой искорки.